

УДК 821.161.1-3

ОБРАЗНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА *СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ*
(на материале прозаических произведений А. П. Чехова)**О. И. Логачева**Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье речь идет об особенностях образной (только перцептивной) составляющей концепта *священнослужитель* в прозаических текстах А. П. Чехова.

Ключевые слова: А. П. Чехов, проза, концепт, священнослужитель, образный слой.

Художественный концепт *священнослужитель* занимает в индивидуально-авторской концептосфере А. П. Чехова особое место. Такое большое количество прозаических произведений (70), которые в той или иной мере представляют этот концепт, безусловно, объясняется интересом автора к деятельности сословия и его значимостью в культуре русского народа. Художественный образ *священнослужителя* воссоздается через актуализированные в концепте понятийный, предметный, ассоциативный, образный, символический и ценностно-оценочный слои [4, с. 74] и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности данного концепта для русской ментальности.

В данной статье речь пойдет об образном слое концепта, то есть о его наиболее важном признаке. По мнению Н. Ф. Алефиренко, образ – первичная форма концептного воплощения в виде воображаемого предмета или отношения предмета к идее, благодаря которой концепт становится явлением и приобретает определенное оформление. В контексте языкового сознания он вступает в новые ассоциативные отношения, необходимые для формирования языковой картины мира в виде образных представлений. Образная составляющая – это все образные характеристики предметов, явлений, событий, отраженные в памяти [1, с. 59]. Образная составляющая художественного концепта *священнослужитель* образует ядро данного концепта. Образ кодирует концепт в сознании человека и обеспечивает наиболее легкий доступ к его содержанию, составляя его наиболее яркую, наглядную, устойчивую часть [2, с. 26].

Образ священнослужителя в корпусе исследуемых художественных текстов интерпретируется нами по перцептивным признакам, формирующимся в сознании носителя языка в результате отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств: визуальным, звуковым, тактильным, обонятельным ощущениям. Для выявления образного слоя этого концепта был проведен анализ языковых единиц, вербализующих его.

Визуальные признаки в структуре концепта *священнослужитель* многочисленны, они привлекают внимание читателя к внешнему облику пастыря. К ним относятся указание на возраст, называние элементов одежды, констатация наличия либо отсутствия бороды, усов, длинных волос и описание их качества. А. П. Чехов отмечает наличие улыбки у священнослужителя и даже... сияния, исходящего от него.

У автора при описании внешнего вида священнослужителя наибольшей концептуальной значимостью обладает информация о возрасте: «старый дьячок» [6, т. 4, с. 154]; «у старика (дьячка – О.Л.)» [Там же, с. 154]; «молодой... двадцать восемь-с...» (отец Яков Смирнов – О.Л.) [Там же, с. 150]; «благочинный отец Федор Орлов ... лет пятидесяти...» [Там же, т. 6, с. 67]; «это был старик шестидесяти пяти лет, дряхлый не по летам...» (отец Анастасий – О.Л.) [Там же]; «...приходил дьякон, молодой человек, лет 22...» [Там же, т. 7, с. 221]. Писатель, неоднократно указывая на пожилой возраст священнослужителя, дает ожидаемую национально обусловленную оценку образа. В данном случае актуализируется доминантный признак «старый» внешнего облика пастыря, входящий в ядро национального концепта. Вместе с тем писатель вносит свое видение образа, используя уменьшительно-ласкательные формы *старичок* и даже *старикашечка*. Автор часто прямо указывает на возраст, использует описательный оборот «почтенные годы» и называет внешние признаки старости: «седой», «дряхлый», «дряхленький».

Что касается образного признака «одежда», то это актуализация внимания читателя на традиционных для священнослужителя одеяниях: «На нем была ряска...» [Там же, т. 4, с. 150]; «На ... иерее была помятая и длинная-предлинная риза...» [Там же, с. 153]; «жалкая, карикатурная фигура, в длинной помятой ризе...» [Там же, с. 156]; «...волосатый дьякон ... в лиловой рясе...» [Там же, т. 1, с. 202]; «отец Петр, маленький попик, в коричневой рясе...» [Там же, с. 249]; «...иерей в широкополом, позеленевшем от времени цилиндре и в парусинковой ряске» [Там же, т. 3, с. 328]; «...архимандрит в золотой митре» [Там же, т. 4, с. 174]; «Дьякон удивленно посмотрел на ... Анастасия, на его распахнувшуюся рясу, похожую в потемках на крылья...» [Там же, т. 6, с. 75]. Именования одеяний репрезентируют образ типичного русского священнослужителя.

Разумеется, нельзя не сказать о таких визуальных компонентах концепта *священнослужитель*, как «длинные волосы», «усы» и «борода»: «Длинные рыжие волосы, сухие и гладкие, спускались на плечи прямыми палками. Усы еще только начинали формироваться в настоящие, мужские усы, а борода принадлежала к тому сорту никуда не годных бород, который у семинаристов почему-то называется “скоканием”: реденькая, сильно просвечивающая; погладить и почесать ее гребнем нельзя, можно разве только пощипать... Вся эта скудная растительность сидела неравномерно, кустиками, словно отец Яков, вздумав загримироваться священником и начав приклеивать бороду, был прерван на половине дела» [Там же, т. 4, с. 150]; у отца Якова «серо-голубые глаза с жидкими, едва заметными бровями» [Там же, с. 150]; «седые с зеленым отливом косички на затылке» [Там же, т. 6, с. 67]; «волосатый дьякон» [Там же, т. 1, с. 202], «его большая длинноволосая благообразная голова, напоминавшая архиерея...» [Там же, т. 8, с. 289]; «...приходил дьякон ... длинноволосый, без бороды и с едва заметными усами» [Там же, т. 7, с. 221]. Известно, что в русской церковной традиции борода и длинные (удлиненные) волосы были и остаются отличительными признаками православного духовенства, что вполне согласуется и с богослужебным облачением, и с традиционным восприятием священнослужителей православными христианами.

Что касается остальных визуальных образных компонентов концепта *священнослужитель*, то следует отметить полярные: «производит хорошее внешнее впечатление» и «производит отталкивающее внешнее впечатление». К первой группе относятся: «Благочинный отец Федор Орлов, благообразный, ... как всегда важный и строгий, с привычным, никогда не сходящим с лица выражением до-

стоинства...» [Там же, т. 6, с. 67]; «Этого симпатичного поэтического человека (иеродьякона Николая – О.Л.) ... не понятого и одинокого, я представляю себе робким, бледным, с мягкими, кроткими и грустными чертами лица. В его глазах, рядом с умом, должна светиться ласка и та едва сдерживаемая, детская восторженность...» [Там же, т. 4, с. 175]. А.П. Чехов при описании фигуры священнослужителя выделяет признаки «высокий», «плотный». Интересно, что советские художники изображали священнослужителя очень полным. Писатель же употребляет слово «плотный», что совсем не одно и то же. Речь в его рассказах идет о духовенстве нижней ступени, весьма зависимом от подаяний прихожан.

Ко второй группе относятся: «дьячок, очевидно больной и глухой» [Там же, с. 154]; у отца Якова «*аляповатое, бабье лицо*», «*очень много бабьего: вздернутый нос, ярко-красные щеки...*» [Там же, с. 150], «*малорослый, узкогрудый, с потом и краской на лице ... есть такие жалкие и несолидные на вид священники ... ему виделось отсутствие достоинства и даже подхалимство*» [Там же, с. 151]; «*жалкая, карикатурная фигура ... бабье лицо*» [Там же, с. 156]; «*Отец Сисой был ... тощ, сгорблен, всегда недоволен чем-нибудь, и глаза у него были сердитые, выпуклые, как у рака*» [Там же, т. 9, с. 382], «*епархиальный архиерей ... очень полный, был болен ревматизмом или подагрой...*» [Там же, с. 386]; «*Николай, простой монах, иеродьякон ... даже видимости наружной не имел...*» [Там же, т. 4, с. 170]. И здесь большое внимание уделяется фигуре священнослужителя, подчеркивается признак «худой» (8 словоупотреблений). При описании лица, щек, глаз неоднократно подчеркивается их красный цвет (6 словоупотреблений), что в данном случае создает отталкивающее визуальное впечатление.

Нельзя не упомянуть такой визуальный признак концепта *священнослужитель*, как улыбка: «*выглядывала пьянеющая физиономия дьячка Манафуилова и преехидно улыбалась*» [Там же, т. 1, с. 224]. В данном примере слово *преехидно* значительно снижает внешнее впечатление от улыбки дьячка. «*Отец же Христофор не переставал удивленно глядеть на мир божий и улыбаться. Молча он думал о чем-то хорошем и веселом, и добрая, благодушная улыбка застыла на его лице*» [Там же, т. 6, с. 320]; «*О. Христофор... счастливо улыбался*» [Там же, с. 396]; «*Войдя в гостиную, он (дьякон Победов – О.Л.) крестился на образ, улыбался...*» [Там же, т. 7, с. 221]. Улыбка священнослужителей говорит о доброжелательном отношении к людям, о том, что они рады видеть окружающих и желают им и всему миру добра.

Нельзя не сказать о четырех словоупотреблениях, касающихся общего визуального эффекта от священнослужителя. Это упоминание об их *сиянии*: «*Старик (отец Анастасий – О.Л.) смеялся, сиял...*» [Там же, т. 6, с. 72], «*Он (дьякон Любимов – О.Л.) просиял от удовольствия*» [Там же, с. 76], «*Улыбаясь и сияя (старика, только что вернувшиеся из церкви, всегда испускают сияние), он (о. Христофор – О.Л.) положил на стол просфору...*» [Там же, с. 398]. Это кульминационный штрих в авторском видении образа духовного пастыря. Эти три священнослужителя – носители подлинной веры, проявляющейся в христианском отношении к другому человеку. Недаром в сиянии лучей изображают на иконах голову святого.

Звуковые образы в структуре концепта *священнослужитель* достаточно многочисленны, они отражают устоявшиеся в обществе стереотипы типичного поведения батюшки: чтение молитв, исполнение церковных песнопений: «*дьякон ... придал своему лицу суровое выражение и запел вслед за священником: «Рождество твое, Христе боже наш...»*» [Там же, т. 8, с. 229]; «*...о. Христофор после каждой “славы” втягивал в себя воздух, быстро крестился и намеренно громко, чтобы дру-*

гие крестились, говорил трижды: – *Аллилуя, аллилуя, аллилуя, слава тебе, боже!*» [Там же, с. 329]. А. П. Чехов получил в детстве серьезное религиозное воспитание и образование, отсюда превосходное знание церковной службы и песнопений.

А. П. Чехов до конца дней сохранил любовь к церковному пению, поэтому в трех рассказах отметил концептуальные признаки вокальных особенностей и тональности голосов духовных пастырей, правда, вызывающих неприятное впечатление: «*глухой стариковский бас дьячка*» [Там же, т. 9, с. 5], «у старика был *глухой, болезненный* голос, с *одышкой, дрожащий и шепелявый*» [Там же, т. 4, с. 154], «*дьячок поет плохо, неприятным глухим басом...*» [Там же, с. 106].

Совершенно нестереотипным для описания священнослужителя является такой звуковой образ, как смех. Священнослужители А. П. Чехова, причем лучшие из них, часто смеются: «о. Александр, человек *смешливый* и веселый, не засмеялся» [Там же, т. 6, с. 53]; «Отец Анастасий еще больше сконфузился, *засмеялся...*» [Там же, с. 69]; «Дьякон весело и громко *рассмеялся*» [Там же, с. 75]; «Отец же Христофор, человек мягкий, легкомысленный и *смешливый...*» [Там же, с. 325]; «И пресвященный *засмеялся* от радости (узнав, что приехала мать – О. Л.)» [Там же, т. 9, с. 379]; «И пресвященный *засмеялся*» (после воспоминаний о своем учителе из семинаристов с собакой Синтаксисом) [Там же, с. 381]. В данном случае индивидуальное сознание автора, наделившего священнослужителей способностью часто и искренне смеяться идет вразрез с религиозным представлением о несовместимости служения Богу и смеха (ср.: Евангелие от Луки: «Горе вам, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдаете» (Лк. 6, 25) и народным представлением о роли священнослужителя в жизни общества. Считалось, что смех непозволителен христианину (достаточно вспомнить русские поговорки: «Где смех, там и грех», «И смех, и грех»), тем более священнослужителю.

В структуре образного компонента концепта *священнослужитель* присутствует **обонятельный** компонент: «В номерке ... пахло о. Христофором, который всегда издавал *запах* кипарисов и сухих васильков (дома он делал из васильков кропила и украшения для киотов, отчего и пропах ими насквозь)» [Там же, т. 6, с. 53]. Обонятельный образ священнослужителя соотносится с образными признаками воздуха, пропитанного запахом ладана, горящих восковых свечей, лампадного масла, и запах васильков как раз и напоминает запах ладана.

Тактильные образы также присутствуют при описании священнослужителя и его действий: «В его (иеродьякона Николая – О. Л.) глазах, рядом с умом, должна светиться *ласка...*» [Там же, т. 4, с. 175]; «Он (отец Христофор – О. Л.) *ласково* взглянул на Егорушку...» [Там же, т. 6, с. 322]; «пресвященный ... *нежно погладил* мать по плечу и по руке...» [Там же, т. 9, с. 383]. Вообще проявление ласки (нежности) гораздо более характерно для женского пола, но автор наделяет им священнослужителей, что весьма нехарактерно для русской литературной традиции изображения духовенства.

Итак, концепт *священнослужитель* в прозаических произведениях А. П. Чехова имеет эксплицированное образное содержание. Согласно результатам анализа многочисленных художественных текстов, в составе образного компонента данного концепта преобладают визуальный и звуковой компоненты. Это традиционный художественный прием в литературе: описание возраста, внешности героя, производимого им внешнего впечатления, голосовых характеристик. Не выражен вкусовой образ концепта. Тактильный образ репрезентирован словом «ласка», что отображает богатство и оригинальность индивидуально-авторских представлений и ассоциаций.

Анализ образного слоя концепта *священнослужитель* в произведениях А. П. Чехова приводит нас к рассмотрению ценностно-оценочного слоя. В текстах прослеживается положительная эстетическая оценка концепта. Она эксплицируется теми характеристиками объекта, которые имеют такую оценку. Писатель актуализирует признаки, входящие в ядро национального концепта, а также дает неузуальную оценочную интерпретацию образа. Его священнослужитель проявляет ласку, доброту, он способен «испускать сияние» и пересыпать «свои акафисты цветами, звездами и лучами солнца» [Там же, т. 4, с. 175], часто «не понятый и одинокий», внешне непривлекательный, но призывающий к тому, чтобы «охотно» прощать «взаимно недостатки и» ценить «бы то, что есть в каждом» [Там же, т. 7, с. 295], побеждать «величайшего из врагов человеческих – гордость» [Там же, с. 307], учиться «со вниманием и прилежанием, чтоб толк был» [Там же, т. 6, с. 398], «со святыми» соображаться [Там же, с. 399].

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград: Перемена, 1999. 274 с.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000. 172 с.
3. Никанорова И. В. Образное содержание концепта «Женщина» (на материале произведения Ф. М. Достоевского «Бедные люди») // Современная филология: мат. междунар. науч. конф. Уфа: Лето, 2011. С. 109–112.
4. Тарасова И. А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 280 с.
5. Тарасова И. А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестник Нижегородского университета. 2010. № 4 (2). С. 742–745.
6. Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1985.

FIGURATIVE CONTENT OF THE CONCEPT “CLERGYMAN” (BASED ON A. CHEKHOV’S PROSE)

O. I. Logacheva

Tver State University
the Department of Journalism, Advertising and Public Relations

The article introduces peculiarities of figurative component (perceptual part only) of the concept “Clergyman” in the prosaic texts of Anton Chekhov.

Keywords: *A. P. Chekhov, prose, concept, clergyman, figurative layer.*

Об авторе:

ЛОГАЧЕВА Оксана Ивановна – аспирант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: oks.logacheva@mail.ru.

About the author:

LOGACHEVA Oksana Ivanovna – Postgraduate Student at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelebov str., 33), e-mail: oks.logacheva@mail.ru.